

Н. Р. Скалон³

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ «СТАРОГО» ПОНЯТИЯ

Культура самосознает себя на «границах» смыслов, которые так или иначе воплощает человек в процессе своей исторически обусловленной, общественной и социальной деятельности. С этой точки зрения культура антропологична. И толкование явлений культуры справедливо было названо «понимающей антропологией»⁴.

Самосознание той или иной национальной культуры (в синхроническом аспекте) может происходить как «изнутри» (теми, для кого эта культура родная), так и «извне», носителем иных культурных доминант. В последнем случае продуктивен не объективистски-аналитический подход, а участное и причастное толкование.

³ Профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 60 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Становление философского романа в творчестве С. П. Залыгина», «Русская философская проза 20–30-х гг. XX века», «Вещь и слово», «Будущее стало настоящим. Роман Е. Замятина “Мы” в литературно-философском контексте», «Хронология» (Сб. прозы и литературно-критических статей) и др.

⁴ См.: *Черная Л. А.* Антропологический код древнерусской культуры. М., 2008. С. 37.

Диалог — это ведь и общение. А общение подразумевает наличие условий, при которых возможна общность, «общее житие» взаимопонимание.

С этой точки зрения обратим внимание на анализ одного из проявлений ментальности русскоговорящих, сделанный «извне».

Итальянка (но и филолог-славист) Клаудия Ласорса-Сьедина еще в 1995 году обратила внимание на особую значимость лексической триады «беспредел, имидж, тусовка» для понимания экстралингвистической действительности и состояния сознания говорящих (не всех, разумеется) на рубеже 1980–1990-х годов в России⁵.

В своеобразной экспансии этих лексем проявилось развитие разговорно-жаргонного полюса русского языка, разрушение семантических, морфосинтаксических норм.

Ссылаясь на отечественных лингвистов, Ласорса-Сьедина сближает «беспредел» (слово из воровского жаргона) с «имиджем», называя эту лексику «оборотной стороной беспредела».

И действительно, в ситуации беспредела (отсутствия каких бы то ни было границ определенности, «субстанциональности») «благоприятное представле-

⁵ См.: *Ласорса-Сьедина К.* Беспредел, имидж, тусовка // Вестник МГУ. Сер. 9 : Филология. 1996. № 4. С. 63–72.

ние о характере личности» («имидж») принимает значение «подставы» («благо» и «приятность» только для того, чтобы обмануть).

Лингво-философский парадокс: «подстава» вместо «субстанции» (ср.: «жить по понятиям»).

Казалось бы, само по себе заимствованное из английского языка слово никакой ответственности за процессы подобного рода «обновления» средств выразительности (и изобразительности!) русского языка не несет. Верно. Несет ответственность феномен, который Д. С. Лихачев назвал «драмой русского легковерия»; а оно включает в себя и легковесные планы «экономического и государственного спасения». Путем некритического (в условиях кризиса!) заимствования различных парадигм.

В статье А. Моторина «Русский “образ”, греческая “икона” и западный “имидж”»¹ отмечается, что «английское слово “имидж” проникло в русский язык в середине 80-х годов XX века вместе с перестройкой всего нашего общества в лучах западного, закатного просвещения».

Из заимствованной лексемы выжимался соответствующий семантико-экспрессивный «субстрат»: «имиджмейкерство», превозношение «беспредельной» (неважно, индивидуалистической или «корпоративной») креативности... Основой этой креативности признается соматика (рецептивная сенсорность), апологетизируемая постмодернистскими дискурсами. Утверждаемые ими символы умирания («смерть автора», «мир как текст», «конец истории») парадоксально подкрепляются «философией телесности» (фрейдизм — ключевой исток). И «парадигмой человека становится имидж безличностной психофизической организации» (В. К. Шохин). Выводимая этим «имиджем» креативность трансформирует императив «возлюби» в иной: «возжелай»...

Ничем не опосредованная «психофизическая организация» обольщается внешним подобием сущности. Не случайно, что ставшее весьма модным понятие «виртуальная реальность» в свое содержание включило и психосоматические состояния (бред, сновидения, галлюцинации, психоделику и т. д.). С ними стала ассоциироваться вся сфера того, что до недавнего времени называлось «воображением» (последнее понятие замещается англицизмом “fiction”).

В. В. Колесов, размышляя об общекультурной проблеме проницаемости языковой системы², делает вывод: некритичное заимствование слов преобразует основу русской ментальности, усредняя ее до бэзик-рашн...

Но относима ли постмодернистская парадигматика только к русской ментальности? Ведь, в частности, как фиксировал А. С. Панарин, по-своему универсален «коперников переворот» Ф. де Соссюра: языковые знаки высвобождены от привязки к референту (обозначаемому). Отсюда, наряду с прочими факторами, «наша драма в отлучении от мира, в погруженности в виртуальные, знаковые, искусственные системы, изолирующие нас от подлинного бытия, от космической причастности».

¹ Икона и образ, иконичность и словесность : сб. ст. / под ред. В. В. Лепехина. М., 2007.

² См.: Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

Вспомним одно из сверхсовременных (и сверхмодных!) понятий: «виртуальная реальность». Под нею понимаются артефакты, создаваемые цифровой электроникой и получающие своеобразную реализацию в психике пользователя. Последний получает, казалось бы, беспредельную способность из даруемых электроникой возможностей (*лат.* *virtualis* — возможный) создавать бесконечную «множественность миров» (*англ.* *virtual* — фактический, действительный). Чем не подобие героической одержимости вырывается из пут мира сего? Одержимости чудодея... Имиджмейкера.

А. Моторин, опираясь на данные этимологии, напомнил, что английское слово *image* образовано от индоевропейского корня «маг», равно как и древнегреческое «магия». А в ней — и корни демиургического отношения «человека-творца к бытию как предмету волевой обработки». Отсюда знаки (и не только языковые) не несут в себе тварного следа; «беспредел» смыкается с «произволом».

Приходится напоминать, что *virtualis* в основе своей несет *vir*, *virtus*: «мужество», «энергия», «сила», «доблесть», «нравственное совершенство» (кстати, и в английском языке *virtue* несет те же значения). Очевидна связь «творческого искусства», поэтики, с этикой и этосом, с духовно и актуально *оформившейся* витальностью.

Не случайно К. Ласорса-Сьедина в «активнейшей» лексеме «беспредел» увидела и отражение целеустремленности бессмысленности, «недостающую определенность... в самой жизни... Двойственность и косноязычие затмевают пушкинский идеал соразмерности и сообразности».

А сообразность — не просто следование образцу. Здесь напоминание о том, что любые вызовы современности должны получать со-образный ответ как результат синергичных усилий людей сохранять свою национальную идентичность, быть причастными целокупному культурно-историческому опыту, позволяющему в меру душевно-духовных сил *обра́зить* себя...

Образ — от праславянских *ob* и *gazъ* — резать, проводить черту³. В Сотворенном Богом человеке «по образу Нашему и по подобию Нашему» *образом* положена граница Богообщению: греховным усилиям самовозвеличения, самообольщения.

А. В. Моторин, проведя скрупулезный лингво-богословский анализ понятия «образ», заключал, в частности: «Слово “образ” обозначает явленную осуществленность “разительного” взаимодействия внутреннего мира человеческой души, внешнего окружающего мира и Самого Бога. Приставка “об-” указывает на художественную обводку, огранку, обточку плода “разительного” взаимодействия; <...> создается некая оболочка с хранящимся в ней духовным содержанием, которое может передаваться, восприниматься, осмысляться как уже сложившееся целое...»

А не-образное — безобразно («беспредельщина!»).

Обрами держится и секуляризуемая культура: «влиняе Рудиных, Раскольниковых, Чацких» (К. Случевский).

³ См., например: Власов В. Г. Византийское и древнерусское искусство : словарь терминов. М., 2003.

Держится, но при условии сохранения преемственности. Цитируем Д. С. Лихачева: «Если мы откажемся от языка [церковнославянского], который великолепно знали... Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Лесков, Толстой, Бунин... — утраты в нашем понимании русской культуры будут невозможны»¹.

В заключение — одно замечание.

«Взрывы» и «флуктуации» в сфере культуры по своему неизбежны. Смена культурно-исторических эпох включает в себя переакцентуацию смысловых доминант, определяющих облик этих эпох (религиозных, научно-философских, этико-эстетических,

¹ *Лихачев Д. С.* Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Русское возрождение. 1997. № 69–70. С. 41.

политических). В определенной степени прав И. П. Смирнов, отмечавший, что «у культуры нет иного способа переместиться в новое состояние, кроме негации...»²

В этом контексте неологизм «культурАлогия» может быть признан весьма удачным (как установка на исследование маргинализирующих культуру процессов и явлений). Но неологизм (как всякое «нео») теряет смысл без соотнесенности с Логосом...

Ибо понятие «культура» атрибутируется с представлением о должном, высоком, абсолютном. Говорящий и пишущий — в меру сил и способностей — должен приобретать качества «языковой личности».

² *Смирнов И. П.* Мегаистория. М., 2000. С. 321.